

Татарский И. А. О сатире Сервантеса (Дон-Кихот) на рыцарскую романтику средних веков: [Актовая речь] // Богословский вестник 1895. Т. 2. № 4. С. 50–71 (2-я пагин.). (Окончание.)

О сатирѣ Сервантеса (Донъ-Кихотѣ) на рыцарскую романтику среднихъ вѣковъ *).

II.

До сихъ поръ, говоря о произведеніи Сервантеса, мы разсматривали лишь частную національную и при томъ совершенно отрицательную заслугу этого великаго поэта, состоящую въ убійственной сатирѣ его на чрезвычайно распространенныя въ его время рыцарскія исторіи. Между тѣмъ въ его „Донъ-Кихотѣ“, на ряду съ этимъ частнымъ элементомъ, находится еще элементъ всеобщій, — не ограниченный одною только мѣстностію и тѣснымъ кругомъ идей своего времени, но имѣющій одинаковое значеніе для всѣхъ временъ и народовъ. Не даромъ имя Донъ-Кихота стало нарицательнымъ въ Испаніи еще при жизни Сервантеса и уже вслѣдъ за выходомъ первой части его романа публика требовала отъ него изображенія новыхъ „донъ-кихотствъ“ ¹⁾. Не даромъ изъ Испаніи это имя распространилось вскорѣ по всей Европѣ и сдѣлалось бессмертнымъ, войдя въ употребленіе у всѣхъ образованныхъ народовъ. Очевидно, должна существовать какая нибудь болѣе общая и неизмѣнная причина того, почему произведеніе Сервантеса, возникшее подъ вліяніемъ частныхъ и скоропреходящихъ условій національной жизни, отдѣленныхъ отъ насъ почти тремя столѣтіями, явилось достояніемъ всѣхъ литературъ и всегда возбуждало къ себѣ одинаковое удивленіе. Нѣтъ сомнѣнія, что Сервантесъ ближайшимъ образомъ, нападаетъ въ немъ на необыкновенно популярныя

*) Окончаніе. См. Январскую книжку.

¹⁾ Донъ-Кихотъ II ч. 30 стр.

тогда въ Испаніи рыцарскіе романы; но онъ былъ слишкомъ геніальный поэтъ, чтобы при выполненіи хотя бы и безсознательно для самаго себя, не расширить этой частной своей задачи возведеніемъ ея ко всеобщимъ идеямъ.—Этотъ общій элементъ знаменитаго произведенія Сервантеса заключается, какъ мы уже сказали съ самаго начала, въ міровомъ, общечеловѣческомъ значеніи выведенныхъ въ немъ типовъ.

Но при попыткѣ опредѣлить эту универсальную сторону „Донъ-Кихота“ мы встрѣчаемся съ серьезнымъ возраженіемъ одного ученаго, котораго авторитетъ въ наукѣ представляется слишкомъ значительнымъ для того, чтобы его возможно было совершенно игнорировать. Не разъ уже упомянутый нами, знаменитый историкъ испанской литературы, Джорджъ Тикноръ, въ принципѣ отрицаетъ всякую возможность отыскивать въ произведеніи Сервантеса какое бы то ни было общее идейное содержаніе, придавая ему исключительно лишь раскрытое уже нами національное значеніе. Возраженіе это тѣмъ болѣе заслуживаетъ нашего вниманія, что изъ разсмотрѣнія его возникаютъ слѣдствія, прямо относящіяся къ нашей задачѣ.

„Подъ руками нѣкоторыхъ черезчуръ утонченныхъ критиковъ“, начинаетъ свое разсужденіе Тикноръ, „цѣль написанія „Донъ-Кихота“ иногда слишкомъ расширялась. Утверждали, что „Донъ-Кихотъ“ есть выраженіе присущаго нашей природѣ контраста между поэтическимъ и прозаическимъ элементами, между героизмомъ и великодушіемъ съ одной стороны, являющимися чистою иллюзіей и холоднымъ эгоизмомъ съ другой, составляющимъ настоящую и дѣйствительную основу жизни. Но это-чисто метафизическое заключеніе, извлеченное изъ такихъ взглядовъ на романъ, которые въ одно и тоже время и недостаточны и преувеличены. Оно противорѣчитъ духу того вѣка, который не былъ склоненъ къ сатирѣ столь философскаго и общаго характера, противорѣчитъ и характеру самаго Сервантеса... Вся его душа была скорѣе полна радостною вѣрою въ человѣческую добродѣтель и весь его образъ дѣйствій противорѣчитъ, повидимому, тому обезкураживающему и горькому презрѣнію ко всему возвышенному и благородному, которое необходимо предполагается при подобномъ истолкованіи „Донъ - Кихота“. — Самъ Серван-

тесъ“, продолжаетъ онъ далѣе, „не даетъ намъ права придавать его роману подобный скрытый смыслъ. Въ самомъ началѣ его онъ возвѣщаетъ, что единственная его цѣль—подорвать славу и авторитетъ рыцарскихъ романовъ, а въ концѣ онъ снова заявляетъ отъ своего имени, что у него было только одно желаніе: внушить отвращеніе къ лживымъ и нелѣпымъ рассказамъ рыцарскихъ книгъ; при чемъ онъ радуется своему успѣху, какъ имѣющему не малое значеніе подвигу. Такъ въ дѣйствительности и было. Мы имѣемъ не мало свидѣтельствъ, что увлеченіе этими романами было такъ велико въ шестнадцатомъ столѣтіи въ Испаніи, что возбуждало тревогу въ болѣе разсудительныхъ людяхъ. Многіе изъ выдающихся современныхъ писателей говорили о несчастныхъ послѣдствіяхъ этого увлеченія... Уничтожить страсть“, заключаетъ свое разсужденіе Тикноръ, „пустившую такіе глубокіе корни во всѣхъ классахъ общества, отворотить его отъ того единственнаго чтенія, которое можно считать самымъ моднымъ и популярнымъ для того времени,—было, конечно, смѣлымъ предпріятіемъ, которое не могло никоимъ образомъ исходить отъ человѣка съ надорванной и разочарованной душой, не имѣющаго вѣры въ то, что составляетъ лучшую принадлежность нашей природы“¹⁾).

На такое рѣшительное заявленіе извѣстнаго ученаго можно отвѣчать только столь же категорическимъ сужденіемъ въ совершенно противоположномъ родѣ. По мнѣнію Лемке, другаго, болѣе поздняго историка испанской литературы, приведенное мнѣніе Тикнора о знаменитомъ произведеніи Сервантеса показываетъ только, что онъ, не смотря на богатство своей эрудиціи въ литературныхъ подробностяхъ, „вовсе не имѣетъ надлежащаго пониманія произведеній истинной геніальности, которыя, какъ „Донъ-Кихотъ“, принадлежатъ не ограниченной пространствомъ странъ и тѣсному кругу идей своего столѣтія, но всѣмъ народамъ и временамъ“²⁾).

Въ самомъ дѣлѣ: несостоятельность приведенныхъ воззрѣній Тикнора можно усматривать уже изъ однихъ общихъ соображеній.—Какъ на непремѣнную особенность всякаго

¹⁾ Д. Тикноръ: исторія испан. литер. 2 т. 122—125 стр.

²⁾ L. Lemcke: Handbuch der span. Literatur, p. 384.

истинно гениальнаго поэтическаго творенія, обыкновенно указываютъ на присутствіе въ немъ двухъ различныхъ сторонъ: одной — частной, принадлежащей той эпохѣ, въ которую оно возникло и тому народу, духъ котораго въ немъ отразился и другой — всеобщей, по которой твореніе это является сроднымъ всему образованному міру и становится не частною лишь принадлежностію извѣстнаго народа и эпохи, но общимъ достояніемъ всѣхъ эпохъ и народовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что „Донъ-Кихоть“ Сервантеса принадлежитъ, именно, къ этого рода произведеніямъ, какъ это убѣдительно доказываетъ намъ его трехвѣковая и повсемѣстная извѣстность ¹⁾. Если же такая универсальность проблемы совсѣмъ не находилась въ ближайшихъ намѣреніяхъ Сервантеса (чего все таки нельзя утверждать, по крайней мѣрѣ относительно второй части „Донъ-Кихота“), то отсюда еще далеко не слѣдуетъ того, чтобы ея вовсе не заключалось въ самомъ его твореніи. Между частною и общею стороною поэтическаго творенія существуетъ большое различіе и потому вопросъ о томъ, что именно представляетъ собою знаменитое произведеніе Сервантеса можетъ заключать въ себѣ нѣчто совершенно иное, чѣмъ тѣ ближайшія побудительныя причины, которыми руководился поэтъ при его написаніи. Мало того: свойство гениальныхъ произведеній, именно, и состоитъ въ томъ, что они безмѣрно возвышаются надъ частными условіями своего происхожденія; такъ что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если значеніе „Донъ-Кихота“ простирается гораздо далѣе, чѣмъ это предполагалось даже по первоначальному замыслу самаго Сервантеса. „Перо генія“, прекрасно замѣчаетъ по этому поводу Гейне, „всегда болѣе велико, нежели онъ самъ;

1) Объ этой извѣстности „Донъ-Кихота“, по которой въ новѣйшей литературѣ можетъ соперничать съ Сервантесомъ лишь одинъ Шекспиръ, можно судить по слѣдующимъ статистическимъ даннымъ объ изданіяхъ его на разныхъ европейскихъ языкахъ. Въ Испаніи въ промежутокъ времени отъ 1605 до 1857 года было выпущено не менѣе четырехсотъ изданій „Донъ-Кихота“; переводныхъ изданій его на англійскомъ языкѣ 200, на французскомъ 168, на итальянскомъ 96, на португальскомъ 8, на нѣмецкомъ 70, на шведскомъ 13, на польскомъ 8, на датскомъ 6, на русскомъ 5 и на латинскомъ 1 (см. ввводную статью къ четвертому иллюстрированному изданію, XXIV стр.).

оно не ограничивается его временными цѣлями, но всегда достигаетъ большаго; Сервантесъ, самъ того ясно не сознавая, написалъ величайшую сатиру на человѣческую восторженность¹⁾.

Дѣйствительно, въ своемъ прославленномъ романѣ Сервантесъ первоначально имѣлъ намѣреніе только ниспровергнуть нелѣпую рыцарскую романтику, которая нестройно и антихудожественно выразилась къ его времени въ огромномъ количествѣ рыцарскихъ исторій. Но, устраняя это вредное наслѣдіе среднихъ вѣковъ исторіей фантастическихъ приключеній своего рыцаря, онъ не позабылъ въ немъ и человѣка вообще. Напротивъ, какъ истинно гениальный поэтъ, онъ, уничтожая старое, въ тоже время и создавалъ новое. Подобно тому какъ всякое отрицаніе какого либо ненормальнаго явленія совершенно невысказимо безъ яснаго представленія его положительныхъ и здравыхъ основъ, такъ и Сервантесъ, задумавъ въ своемъ „Донъ-Кихотъ“ сатиру на рыцарскіе романы и выполнивъ ее съ неподражаемымъ искусствомъ и полнотою, не могъ, конечно, не противопоставить здѣсь же ихъ нелѣпой средневѣковой фантастикѣ свое тонкое чувство жизненной правды, пріуроченное къ художественному изображенію живыхъ и типическихъ созданий. Онъ полемизируетъ въ своемъ произведеніи противъ господствовавшей въ рыцарскихъ исторіяхъ разнузданности воображенія, противъ нелѣпой погони ихъ за чудесами, противъ чрезмѣрнаго и хаотическаго нагруженія въ нихъ фантастическихъ приключеній, но полемизируетъ сколько отрицательно, столько же и положительнымъ представленіемъ ярко обрисованныхъ и строго выдержанныхъ характеровъ, заимствованныхъ, правда, изъ національной испанской жизни, но возведенныхъ имъ къ общности универсальныхъ типовъ. Вотъ почему глубоко истиннымъ представляется намъ воззрѣніе Бутервека, когда онъ заявляетъ, что „нельзя имѣть никакого болѣе превратнаго представленія о романѣ Сервантеса, какъ если только считать его за потѣшную книгу, сочинитель которой имѣлъ намѣреніе сдѣлать смѣшную страсть къ чтенію старыхъ рыцарскихъ романовъ. Безъ

1) Г. Гейне. Полное собраніе сочиненій; предисловіе къ иллюстрированному изданію „Донъ Кихота“ (1834 г.), 234 стр.

всякаго сомнѣнія“, продолжаетъ онъ далѣе, „между прочими намѣреніями Сервантесъ имѣлъ и это; потому что между рыцарскими романами, которыми безъ устали зачитывалась испанская публика, было лишь нѣсколько сносныхъ и только два превосходныхъ. Но, все таки едва ли можно ожидать отъ него нелѣпаго каприза доказать вредное вліяніе плохихъ романовъ на культуру испанской публики посредствомъ индивидуальной глупости мечтателя, который при другомъ образѣ мысли также легко могъ потерять голову отъ изученія Платона и Аристотеля, какъ и отъ чтенія рыцарскихъ романовъ“¹⁾.

Тѣмъ болѣе несообразнымъ съ дѣйствительностію представляется мнѣніе Тикнора, будто и самый вѣкъ Сервантеса вовсе „не былъ склоненъ къ сатирѣ философскаго и общаго характера“. Не говоря уже объ извѣстной всеѣмъ способности гениальнѣйшихъ поэтовъ возвышаться надъ духомъ своего времени, достаточно указать на его великихъ современниковъ, Шекспира и Кальдерона (род. 1600 г.), чтобы видѣть, до какой глубины и обширности въ философскомъ замыслѣ своихъ произведеній способны были простираться поэты той эпохи. Безъ сомнѣнія, это же самое слѣдуетъ сказать и по отношенію къ Сервантесу. Онъ былъ не только испанцемъ своего вѣка, но и явился, подобно Шекспиру, человѣкомъ новаго времени, провозвѣстникомъ новаго духа. Однимъ и тѣмъ же произведеніемъ онъ не только положилъ конецъ средневѣковому роману, но и указалъ эпическому искусству новое направленіе. Возстававъ противъ безсвязныхъ вымысловъ рыцарской романтики, онъ въ то же время сознательно противопоставляетъ ей идеалъ новаго романа. „Поэтическое произведеніе, говоритъ онъ въ одной изъ своихъ новеллъ, „тѣмъ лучше, чѣмъ ближе оно къ дѣйствительности, и тѣмъ искреннѣе, чѣмъ тѣснѣе оно связываетъ сомнительное съ возможнымъ. Надо стараться привить свои вымыслы къ понятію читателей и писать такъ, чтобы невѣроятное становилось имъ ближе, высокое знакомѣе и доступнѣе, чтобы душа ихъ находилась въ напряженіи, откуда раждаются вмѣстѣ восхищеніе, не-

¹⁾ F. Bouterwek: Geschichte der Poesie und Beredsamkeit, B. III, p. 336—337.

вольное потрясеніе и живой интересъ; они удивлены и въ то же время пріятно заняты. Ощущаемое душой удовольствіе происходитъ здѣсь отъ красоты, отъ соразмѣрности цѣлаго съ частями и частей съ цѣлымъ, отъ стройнаго согласія фантазіи съ дѣйствительностью¹⁾). Этотъ же самый очищенный вкусъ относительно важнѣйшихъ задачъ новаго искусства Сервантесъ выражаетъ и въ своемъ „Донъ-Кихотѣ“. Осуждая здѣсь фантастическій способъ поэтическаго изобрѣтенія въ рыцарскихъ романахъ, онъ влагааетъ въ уста каноника слѣдующую знаменательную рѣчь: „Если мнѣ скажутъ, что сочинители подобныхъ книгъ просто задались цѣлью выдумывать небывалыя и невозможныя событія, находя совершенно излишнимъ придерживаться сколько-нибудь истины, то все же я скажу, что вымыселъ тѣмъ прекраснѣе, чѣмъ менѣе кажется онъ вымышленнымъ, тѣмъ болѣе нравится, чѣмъ онъ правдоподобнѣе. Онъ долженъ шевелить мысль читателя, долженъ быть воспроизведенъ такимъ образомъ, чтобы, дѣлая невозможное вѣроятнымъ, сглаживая уродливости и неровности, заставляя бы читателя вѣрить себѣ, удивляя и улаждая его. Ничего подобнаго нельзя встрѣтить въ сочиненіяхъ автора, съ умысломъ уклоняющагося отъ природы и правды, т. е. отъ того, что составляетъ главную силу художественнаго произведенія... Придая немилосердно эти книги“, — продолжаетъ далѣе каноникъ, — „я нахожу въ нихъ одно хорошее, именно канву: блестящій талантъ могъ бы развернуться и выказать себя на ней во всемъ блескѣ. Онѣ представляютъ обширное поле, на которомъ перо можетъ двигаться совершенно свободно... И если подобное сочиненіе будетъ умно задумано, написано чистымъ, пріятнымъ слогомъ и приблизится, насколько это возможно, къ истинѣ, тогда данная автору канва украсится разнообразными и драгоцѣнными узорами и сочиненіе это представитъ столько красотъ, что оно достигнетъ высочайшей степени совершенства, до которой можетъ возвыситься поэтическое произведеніе, предназначенное, улаждая, поучать читателя. Свобода, предоставляемая писателю въ созданіи и развитіи подобнаго рода произведеній, даетъ воз-

1) См. М. Каррьеръ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры; IV т. 252—263 стр.

можность ему непременно являться въ нихъ лирикомъ, эпикомъ, трагикомъ, комикомъ, соединая въ себѣ всѣ красоты пріятной и сладкой науки поэзіи и краснорѣчія, потому что эпопея можетъ быть написана прозой такъ же удобно, какъ и стихами“¹⁾.—Но представляя себѣ до такой степени ясно и отчетливо идеаль новѣйшаго романа, Сервантесъ, само собою разумѣется, не могъ довольствоваться въ своемъ произведеніи одною лишь отрицательною и при томъ совершенно частною и случайною его стороною. Очевидно, въ самомъ духѣ этого великаго поэта лежало побужденіе къ положительному и болѣе глубокому творчеству, которое, выступая изъ предѣловъ преходящихъ національныхъ интересовъ, возвышалось бы къ представленію всеобщихъ и вѣчныхъ основъ человѣческой жизни.

Главные типы, выведенные въ произведеніи Сервантеса и изображенные въ немъ съ удивительною полнотою и законченностію составляютъ тѣ общія средоточія, къ которымъ приурочены и въ которыхъ цѣлостно выражены эти всеобщія духовныя начала человѣческой жизни,—и положительное міровое значеніе этихъ типовъ, вопреки мнѣнію Тикнора, засвидѣтельствовано уже глубоко сочувственнымъ отношеніемъ къ нимъ самого поэта.—Въ самомъ дѣлѣ: если любовь къ созданіямъ своей фантазіи характеризуетъ вообще истиннаго художника, то едва-ли гдѣ нибудь она выразилась въ столь значительныхъ размѣрахъ и сопровождалась такими плодотворными результатами, какъ именно въ романѣ Сервантеса. Донъ-Кихотъ и Санчо-Панса являются у него не только главными, но и самыми любимыми героями, къ которымъ онъ, при всѣхъ многочисленныхъ отступленіяхъ своихъ въ романѣ, возвращается всегда съ видимымъ наслажденіемъ. Мало того: чѣмъ далѣе они подвигаются въ своихъ странныхъ приключеніяхъ, тѣмъ большую симпатію къ нимъ чувствуетъ поэтъ; онъ явно увлекается своею любовію къ нимъ и, по мѣрѣ развитія романа, обрисовываетъ ихъ характеры все глубже и многостороннѣе. Донъ-Кихотъ, въ которомъ сначала онъ думалъ представить только пародію на Амадиса Гальскаго, мало по малу становится у него совершенно отдѣльнымъ и само-

¹⁾ „Донъ-Кихотъ“: 1 т. 145—147.

стоятельнымъ лицомъ, въ которомъ постепенно открываются намъ столь возвышенныя стороны характера, что мы начинаемъ чувствовать къ нему также глубокую симпатію и уваженіе, какъ и самъ поэтъ. Подобное же превращеніе испыталъ здѣсь и Санчо-Панса, возбуждающій къ себѣ не меньшее сочувствіе въ Сервантесѣ. Сперва онъ фигурируетъ въ романѣ, очевидно лишь для того, чтобы прямымъ контрастомъ своимъ съ Донъ-Кихотомъ ярче отгѣнить особенности послѣдняго. Затѣмъ, съ половины первой части романа, онъ начинаетъ произносить свои пословицы, составляющія съ этихъ поръ самую характеристическую черту его разговоровъ,—и уже только въ началѣ второй части романа, гдѣ онъ въ роли губернатора Баратаріи обнаруживаетъ въ высшей степени забавную смѣсь сметливости и легковѣрія, характеръ его развивается до своихъ полныхъ размѣровъ. Очевидно, что ничего подобнаго не могло бы произойти, если бы эти художественныя созданія Сервантеса имѣли значеніе лишь простой каррикатуры на уродливыя представленія рыцарской романтики, не заключая въ себѣ никакого болѣе возвышеннаго и глубокаго содержанія.

Но если глубоко сочувственное отношеніе Сервантеса къ героямъ своего романа можетъ свидѣтельствовать объ ихъ положительномъ и болѣе общемъ значеніи, то тѣмъ рѣшительнѣе это слѣдуетъ утверждать о томъ неподражаемомъ юморѣ, въ которомъ эти герои представлены поэтомъ.— Сущность юмора, какъ извѣстно, состоитъ именно въ томъ, что въ великомъ онъ подмѣчаетъ малое и въ смѣшномъ не оставляетъ безъ вниманія того, что заключается въ немъ истиннаго и достойнаго нашего сочувствія. „Въ насмѣшкѣ надъ дурачествомъ“, говоритъ Морицъ Каррьеръ въ своей эстетикѣ, „юморъ всегда сохраняетъ уваженіе къ тому отпрыску идеальнаго и возвышеннаго, который только получилъ здѣсь ложное направленіе и потому даже въ самой нелѣпности насъ радуется у него видъ благородства челоувѣческой природы и мы съ отраднымъ чувствомъ полагаемся на ея несокрушимость“ ¹⁾. Вотъ почему въ своемъ глубоко-мысленномъ юморѣ Сервантесъ не могъ удовлетвориться одною лишь чисто отрицательною задачей; онъ расширилъ

¹⁾ M. Carriere: Aesthetik, B. I p. 230.

ее и углубилъ, развѣвъ здѣсь возвышенное созерцаніе, имѣющее общечеловѣчскій характеръ. На такое болѣе обширное значеніе своего юмора намекаетъ иногда и самъ поэтъ, особенно во второй части романа. Такъ, напримѣръ, когда побѣжденный на турнирѣ Донъ-Кихотъ долженъ былъ, по условію, отказаться отъ своего рыцарства, онъ влагаетъ въ уста донъ—Антоніо Мирандо слѣдующія слова, обращенныя къ побѣдителю рыцаря, Самсону Караско: „о, милостивый государь, да проститъ вамъ Богъ наносимую вами всему міру потерю, вашимъ желаніемъ возвратитъ разсудокъ самому интересному безумцу, какой когда либо существовалъ на свѣтѣ! Неужели вы не видите, что польза отъ его ума никогда не вознаградитъ потери того удовольствія, которое доставляютъ всѣмъ его безумства, и вся наука, все искусство господина бакалавра врядъ ли возвратятъ исполнѣ разсудокъ такому цѣльному безумцу“¹⁾.

И дѣйствительно, въ произведеніи Сервантеса, сквозь комическую оболочку разнообразныхъ приключеній его героевъ, нагляднымъ образомъ проступаетъ для насъ великая идея о всеобщей раздвоенности человѣческаго существованія вѣчно мятущагося между восторженными стремленіями къ идеалу и требованіями суровой прозаической дѣйствительности, но никогда не достигающаго ихъ цѣлостнаго и гармоническаго примиренія. „Въ поверхностномъ читателѣ“, говоритъ Шерръ, „Донъ-Кихотъ, варьирующій комическое по всѣмъ ступенямъ и отгѣнкамъ, произведетъ только смѣхъ; но человѣка мыслящаго онъ приведетъ къ сознанію, что здѣсь дѣло идетъ о вѣчномъ противорѣчій, между духомъ и матеріей, между поэзіей и прозой“²⁾.—Этотъ основной и непримиримый разладъ идеальнаго и реальнаго начала въ человѣческой жизни первоначально выражается въ романѣ Сервантеса въ рѣзкомъ сопоставленіи двухъ его главныхъ типовъ, а затѣмъ достигаетъ своего полнаго художественнаго завершенія въ личномъ характерѣ самаго фантастическаго рыцаря.

Подъ покровомъ смѣшныхъ сумасбродствъ Сервантесъ развиваетъ въ своемъ романѣ глубокое и обширное содер-

¹⁾ „Донъ-Кихотъ“: II т. 484 стр.

²⁾ I. Шерръ: Всеоб. исторія литературы, 328, 329 стр.

жаніе, поставивъ его средоточіемъ двѣ совершенно противоположныя личности; поэтому во всѣхъ ихъ разговорахъ и разнообразныхъ приключеніяхъ онъ съ глубокомысленнымъ юморомъ старается представить намъ двойственность чело-вѣческой жизни, выражающуюся въ противорѣчивыхъ воззрѣніяхъ нашихъ на одинъ и тотъ же предметъ. Отсюда Донъ-Кихоть и Санчо Панса, каждый въ своемъ родѣ, являются у него безсмертными типами, міровое значеніе которыхъ признается у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ. Въ нихъ конкретно выражена поэтомъ и доведена до самыхъ крайнихъ своихъ послѣдствій противоположность спиритуализма съ матеріализмомъ, поэзіи идеалистическаго мечтательнаго воодушевленія съ прозою повседневной будничной жизни. „Санчо“, замѣчаетъ у него, напримѣръ, Донъ-Кихоть въ одномъ мѣстѣ, „ты всегда тянешь *на матеріальную сторону*; убирайся же, куда тебѣ угодно и ѣшь, что тебѣ нравится. Я же сытъ вполне и мнѣ нужна теперь *душевная пища*, которую мнѣ вѣроятно и доставитъ рассказъ этого пастуха“¹⁾. Въ этихъ словахъ можно видѣть не только ключъ къ уразумѣнію ихъ характеровъ, но и общее основаніе той глубокой параллели, которая иронически проводится Сервантесомъ во всѣхъ ихъ поступкахъ и рѣчахъ.

Рыцарь печальнаго образа занимаетъ, какъ и слѣдовало ожидать, первенствующую роль въ романѣ и является представителемъ того фантастическаго идеализма, который способенъ воздвигать утопію, совершенно не справляясь съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. Кругъ его умопредставленій совсѣмъ иной и во многомъ даже вовсе противоположенъ міру внѣшнему; отъ этого при различныхъ столкновеніяхъ съ послѣднимъ, ему и суждено получать одни только разочарованія. Во всѣхъ такихъ случаяхъ Донъ-Кихоть дѣйствуетъ не такъ, какъ того требуютъ наличныя обстоятельства, но подъ исключительнымъ вліяніемъ фантастическихъ бредней рыцарской романтики, въ которыя предъ нимъ облекается самая обыкновенная, а иногда даже совершенно пошлая дѣйствительность. Въ этомъ отношеніи особенно нелѣпымъ является его главное стремленіе возстановить

¹⁾ „Донъ-Кихоть“ I т. 471 стр.

павшее рыцарство, которое поэтому и представляется Сервантесомъ какъ фантастическая мечта безумія. Возвышенное призваніе странствующаго рыцарства защищать невинныхъ, поддерживать угнетенныхъ и слабый полъ, пожалуй, имѣло еще нѣкоторое значеніе, когда въ Европѣ господствовала анархія; но въ эпоху крѣпко сложившейся государственной власти и правильно дѣйствовавшаго законодательства оно, безъ сомнѣнія, потеряло уже всякій смыслъ и могло только возмущать общество своими неумѣренными притязаніями на произвольное вмѣшательство въ установившейся порядокъ жизни. Въ романѣ Сервантеса Донъ-Кихотъ такъ именно и поступаетъ. Онъ, какъ извѣстно, освобождаетъ схваченныхъ преступниковъ, сражается съ мирными путниками и даже разгоняетъ погребальную процессію, принявъ сопровождавшихъ ее канониковъ за привидѣнія.—Основное требованіе практической мудрости, выражаемое пословицей: „не суйся въ воду, не спросясь броду“—совершенно несвойственно Донъ-Кихоту; поэтому и всѣ приключенія его, не смотря на проявляющийся въ нихъ благороднѣйшій энтузіазмъ и самыя возвышенныя намѣренія, принимаютъ по большей части неблагоприятный оборотъ какъ для него самого, такъ и для защищаемыхъ имъ лицъ. Освобожденные имъ каторжники, на примѣръ, начинаютъ съ того, что избиваютъ и ограбляютъ его же самого съ оруженосцемъ, а защищенный имъ отъ хозяйскихъ побоевъ мальчикъ подвергается, по его отъѣздѣ, еще большимъ истязаніямъ, и потому, при вторичной встрѣчѣ съ рыцаремъ, онъ, вмѣсто благодарности, дѣлаетъ ему слѣдующую отповѣдь: „господинъ странствующій рыцарь! Если приведется намъ еще встрѣтиться когда нибудь, то хотя бы вы увидѣли, что меня раздираютъ на части, ради Бога не вступайтесь за меня, а оставьте съ моей бѣдой, потому что худшей бѣды, какъ ваша помощь мнѣ, право, никогда не дожидаться и да уничтожить и покараетъ Богъ вашу милость со всѣми рыцарями, родившимися когда бы то ни было на свѣтъ“¹⁾.—Но при этомъ Донъ-Кихотъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые не имѣютъ прямого отношенія къ принятому имъ званію странствующаго рыцаря, выражаетъ самыя блестящія

¹⁾ „Донъ-Кихотъ“: I т., 277 стр.

и возвышенныя сужденія. Самъ Сервантесъ неоднократно указываетъ на поразительную противоположность въ немъ между словами и дѣлами: „все, что говорилъ Донъ-Кихоть“, замѣчаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, „было умно, изящно, свободно, хорошо изложено; все же, что онъ дѣлалъ—странно, нелѣпо и безумно“¹⁾). Дѣйствительно, слушая его мудрыя рѣчи о военномъ искусствѣ и наукахъ, о значеніи поэзіи и прелестяхъ свободы, мы проникаемся къ нему невольнымъ уваженіемъ и начинаемъ понимать, почему даже такой грубый реалистъ, какъ Санчо Панса, тащится на своемъ ослѣ за этимъ фантастическимъ представителемъ беспочвеннаго идеализма, не смотря на всѣ зловключенія, какія ему приходится постоянно претерпѣвать при этомъ.

Самъ Санчо Панса, этотъ беззаботный и простодушный мужичекъ, исполненный живаго народнаго остроумія, выражающагося въ безчисленныхъ пословицахъ, является у Сервантеса по истинѣ великолѣпнымъ. Какъ прямой контрастъ своему господину, онъ весь уходитъ въ противоположную крайность самаго грубаго и низменнаго реализма. „Удивляетъ меня, Санчо, твоя беззаботность“, отзывается о немъ въ этомъ смыслѣ Донъ-Кихоть, „ты какъ будто выльпленъ изъ мрамора, или вылить изъ бронзы; въ тебѣ, какъ въ статуѣ, нѣтъ ни чувства, ни движенія. Я бодрствую — ты спишь, я плачу—ты поешь, я изнемогаю отъ воздержанія, въ то время какъ ты съ трудомъ дышешь, наѣвшись по горло“²⁾). Примѣняя на практикѣ свою матеріалистическую философію, Санчо Панса и въ службѣ своей рыцарю ищетъ, прежде всего, матеріальной выгоды. Ему вскружило голову графство, которое онъ получить себѣ въ награду, когда Донъ-Кихоть завоюетъ королевство. Понявъ, однакоже, послѣ перваго выѣзда на приключенія, что это легко можетъ и не случиться, онъ въ слѣдующій разъ требуетъ уже себѣ опредѣленнаго жалованья, и не получаетъ его лишь потому, что ни въ одномъ рыцарскомъ романѣ Донъ-Кихоть не встрѣчалъ, чтобы оруженосцы служили своимъ рыцарямъ за плату. Что при такомъ легковѣріи Санчо Панса не лишень, все таки, трезвой разсудительности и свойственнаго простона-

1) „Донъ-Кихоть“: II т. 126 стр.

2) „Донъ-Кихоть“, II т. 501 стр.

родью простаго здраваго смысла, это онъ блестящимъ образомъ доказываетъ своими мудрыми распоряженіями на непривычномъ для него губернаторскомъ посту. Самъ Сервантесъ ближайшимъ образомъ изображаетъ намъ умственный міръ Санчо Пансы, и это изображеніе, сдѣланное имъ въ разговорѣ Донъ-Кихота съ герцогиней, есть одна изъ самыхъ мѣткихъ характеристикъ въ романѣ. „Мнѣ хотѣлось бы убѣдить вашу свѣтлость“, говоритъ здѣсь рыцарь, „что Санчо рѣшительно лучший оруженосецъ, какой служилъ когда бы то ни было странствующему рыцарю. У него встрѣчаются порой такія выходки, что рѣшительно недоумѣваешь простоватъ онъ или лукавъ? Онъ мастеръ озадачить васъ такимъ хитрымъ намекомъ, что нужно признать его или весьма остроумнымъ шутникомъ, или положительнымъ невѣждой; человѣкъ этотъ во всемъ сомнѣвается и между тѣмъ всему вѣрить; и въ ту минуту, когда я думаю, что вотъ вотъ онъ окончательно погрязнетъ въ своей глупости, онъ вдругъ промолвитъ такое словечко, которое вознесетъ его превыше облаковъ. И я не промѣняю его ни на какого оруженосца въ мірѣ, хотя бы давали цѣлый городъ въ придачу“ ¹⁾. При этомъ Санчо Панса отличается самою беззавѣтною преданностію своему господину. Вообще все обращеніе ого съ этимъ послѣднимъ неизмѣнно свидѣтельствуется, что въ немъ, подъ грубоватою внѣшностію, бьется честное и любящее сердце. На вопросъ герцогини, почему онъ слѣдуетъ за рыцаремъ, догадываясь даже, что тотъ полуумный, онъ не задумываясь отвѣчаетъ: „что дѣлать, такова моя судьба: я долженъ слѣдовать за нимъ. Мы съ нимъ земляки; я очень люблю его, ѣмъ его хлѣбъ... и ко всему этому я человѣкъ вѣрный. Поэтому, ваша свѣтлость, ничто не разлучитъ насъ съ нимъ, кромѣ того заступа, который приготовить намъ одинаковую постель“ ²⁾.

Художественное изображеніе этихъ двухъ типовъ въ романѣ Сервантеса получаетъ всеобщее и высокопоучительное значеніе въ особенности отъ того, что при всей противоположности своей, они въ сущности только дополняютъ другъ друга, и потому намъ постоянно предносится здѣсь идея о

¹⁾ „Донъ-Кихотъ“, II т. 248 стр.

²⁾ Донъ-Кихотъ: II т. 255 стр.

необходимой сопринадлежности для всего человѣчества тѣхъ двухъ крайностей въ духовномъ развитіи, олицетвореніемъ которыхъ они являются. Мало того: надъ всѣмъ этимъ изображеніемъ неизмѣнно господствуетъ въ романѣ веселая и въ высшей степени глубокая иронія поэта, когда идеалистъ въ своихъ благороднѣйшихъ порывахъ и при всей возвышенности своихъ идей претерпѣваетъ у него постоянныя пораженія отъ той дѣйствительности, которой онъ не хочетъ знать, а реалистъ, всецѣло преданный этой дѣйствительности, принужденъ, все таки, тянуться за его воодушевленіемъ, волей-неволей участвуя на ряду съ нимъ въ исторической борьбѣ и терпѣливо выдерживая всѣ постигающія ихъ превратности судьбы ¹⁾. Вотъ почему въ романѣ Сервантеса, помимо индивидуальной жизненности общихъ началъ нашего существованія, можно усматривать еще и великолѣпнѣйшую аллегорію великой культурной борьбы человѣчества вообще.

Но, выставляя въ своемъ произведеніи основныя противоположности въ духовномъ настроеніи человѣчества, Серван-

¹⁾ Очевидно что съ такимъ пониманіемъ произведенія Сервантеса не имѣетъ ничего общаго то философское воззрѣніе, противъ котораго такъ сильно вооружается Д. Тикноръ въ выше приведенномъ нами мѣстѣ, и по которому оно представляетъ, будто бы „выраженіе контраста... между героизмомъ и великодушіемъ съ одной стороны, являющимися чистою иллюзіей и холоднымъ эгоизмомъ съ другой, составляющимъ настоящую и дѣйствительную основу жизни“. Если Сервантесъ и поставляетъ мечтательный идеализмъ Донъ-Кихота въ комическое освѣщеніе, то во всемъ его романѣ едва ли можно найти хотя бы малѣйшій намекъ на то, что онъ предпочитаетъ ему именно грубый и доморощенный реализмъ Санчо Пансы. Напротивъ, не только руководство въ приключеніяхъ, но и личныя симпатіи поэта принадлежать по преимуществу Донъ-Кихоту, этому главнѣйшему герою романа. Вотъ почему мы и прошли молчаніемъ въ своемъ мѣстѣ эту часть возраженія Тикнора, какъ явно къ намъ не относящуюся. Если уже трактовать о направленіи самаго поэта, то скорѣе всего можно согласиться съ Дюрингомъ, который по этому поводу рассуждаетъ: „образъ пониманія и обсужденія людей и ихъ отношеній у Сервантеса представляется ни реалистическимъ просто, въ смыслѣ предпочтенія пошлаго и низменнаго существованія, ни идеальнымъ особенно, который бы высккивалъ и образовывалъ изъ дѣйствительности высоко приподнятую жердь; но — среднимъ, который держится на такомъ уровнѣ, гдѣ, безъ сомнѣнія, уже всплываетъ на поверхность совершенно замѣтное возвышеніе и облагороженіе всего человѣческаго (E. Dühring: Die Grossen der modernen Literatur. B. I, p. 57).

тесъ не удовольствовался однимъ только чисто внѣшнимъ ихъ сопоставленіемъ. Онъ переноситъ этотъ разладъ общихъ основаній жизни во внутренней міръ человѣка, показывая на примѣрѣ главнаго героя своего романа и тѣ неизбѣжныя послѣдствія, къ которымъ онъ необходимо долженъ повести. — Противорѣчіе духа и матеріи, идеалистическаго воодушевленія и обыкновенной прозы жизни достигаетъ— какъ мы уже сказали, своего полнаго художественнаго завершенія только въ самой личности Донъ-Кихота; при чемъ если поэтъ и даетъ приключеніямъ этого рыцаря комическую постановку, то это не мѣшаетъ намъ, все таки, разъ глядѣть и грустное, трагическое въ ихъ основаніи. Въ этомъ отношеніи можно сказать даже, что въ характерѣ Донъ-Кихота Сервантесъ съ неподражаемымъ искусствомъ, развиваетъ рѣдко встрѣчающійся въ исторіи, такъ называемый трагическій юморъ, который отчасти проявлялся и въ нашей лигературѣ, подъ именемъ „смѣха сквозь слезы“, не достигая здѣсь однакоже, такого философскаго и общезначительнаго выраженія. „Благородный рыцарь Ламанчскій“, говоритъ Бутервекъ, „есть безсмертный представитель всѣхъ мечтателей, которые, не смотря на свой прекраснѣйшій энтузіазмъ, становятся безумцами, потому что ихъ въ иномъ случаѣ здравый рассудокъ не можетъ противостоятъ прелестямъ самообольщенія, гдѣ они чувствуютъ себя какъ бы высшими существами. Только долго упражнявшійся наблюдатель людей съ весьма сильнымъ умомъ и при озареніи генія, предъ которымъ открываются вдругъ самыя интересныя глубины человѣческаго духа, могъ съ энергическою опредѣленностію задумать первую идею такого романа, безъ всякой предварительной подготовки посредствомъ школьной психологіи; только столь же творческая, сколько и остроумная голова могла не выполнить съ такимъ поэтическимъ интересомъ и дать ей ту классическую полноту выраженія, которая составляетъ послѣдній отпечатокъ превосходства цѣлаго... Эстетическое достоинство и эстетическое богатство идеи благороднаго героическаго мечтателя, хотѣвшаго возстановить павшее рыцарство, слѣдуетъ разсматривать какъ зародышъ того вдохновенія, изъ котораго выросло все произведеніе“ ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, въ личности Донъ-Ки-

¹⁾ Bouterwek: Geschichte der Poesie und Beredsamkeit, В. III p. 335—337.

хота, въ его духовно-правственномъ обликѣ заключаются благородныя и возвышенныя черты, получившія комическое значеніе лишь отъ не цѣлесообразнаго проявленія ихъ во внѣшней дѣйствительности.

По своему личному характеру Донъ-Кихоть есть, прежде всего, человекъ идеи, и съ этой стороны представляетъ собою явленіе великое и необыкновенное. Онъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ исключительныхъ натуръ, которыя, не довольствуясь одною только личною и матеріальною стороною жизни, неудержимо влекутся къ идеалу. Но, создавъ себѣ этотъ идеалъ, Донъ-Кихоть, по цѣльности своей природы, отдается ему уже совершенно безраздѣльно, обнаруживая полную готовность жертвовать всѣмъ для его осуществленія. Правда, идеалъ его имѣетъ довольно странный источникъ и заимствованъ изъ наполненныхъ фантастическими измышленіями рыцарскихъ книгъ; но, будучи неосуществимымъ по своей сущности, онъ все таки вовсе не теряетъ отъ этого своей безукоризненной чистоты. Вотъ какими возвышенными чертами рисуетъ его для себя самъ Донъ-Кихоть: „странствующій рыцарь долженъ быть цѣломудренъ въ помыслахъ, благопристоенъ въ словахъ; добръ, благороденъ и щедръ въ своихъ дѣйствіяхъ, неустрашимъ въ опасностяхъ, терпѣливъ въ несчастіи, милосердъ къ страдальцамъ, обязанъ пребывать непоколебимымъ столпомъ и защитникомъ истины, за которую онъ долженъ всегда быть готовымъ положить свою голову“ ¹⁾. — Проникнутый дѣятельнымъ стремленіемъ къ этому идеалу Донъ-Кихоть обнаруживаетъ полное самоотверженіе и во всѣхъ своихъ странствованіяхъ не смущается никакими опасностями, не останавливается ни предъ какими лишеніями. „Кому, какъ не странствующему рыцарю“, выражается онъ въ этомъ смыслѣ, „обѣзжать пустыни, большія дороги, лѣса и горы, отыскивая повсюду опасныя приключенія, съ желаніемъ привести ихъ къ счастливому концу?.. Кому, какъ не странствующему рыцарю благодѣтельствовать какойнибудь вдовѣ въ обитаемой пустынѣ?.. Странствующій рыцарь пусть переносится на послѣднія грани міра, проникаетъ въ непроницаемые лабиринты, преодолеваетъ на каждомъ шагу невозможность,

¹⁾ „Донъ-Кихоть“: II т. 132 стр.

пусть въ пустынь безропотно выносить лѣтомъ жгучее солнце и зимою вѣтры, вьюги и стужу ¹⁾). Вотъ почему Донъ-Кихоть, не смотря на постоянно испытываемыя имъ злѣянія, все таки не разочаровывается въ своемъ призваніи. Напротивъ, отъ проявляетъ здѣсь непоколебимую твердость и никогда не въ состояніи измѣнить ни своему убѣжденію, ни разъ предпринятому намѣренію. „Рыцаремъ я былъ“, говоритъ онъ, „рыцаремъ остаюсь и рыцаремъ умру, если это будетъ угодно Всевышнему. Люди преслѣдуютъ на свѣтѣ разные цѣли: одними двигаетъ честолюбіе, другими—грубая, презрительная лесть, третьими—лицемѣріе, четвертыми—истинная религія. Я же прохожу жизненный путь мой по узкой стезѣ рыцарства, указанной мнѣ моею звѣздой и, презирая богатство, но не славу, уничтожаю зло, караю преступленія, восстанавливаю правду, поражаю великановъ, не страшусь привидѣній и никакихъ чудовищ“ ²⁾). Однимъ словомъ, выражаясь словами Тургенева въ извѣстной рѣчи его о Гамлетѣ и Донъ-Кихотѣ, — „Донъ-Кихоть энтузіастъ, служитель идеи, и потому обвѣянъ ея сіяніемъ“ ³⁾). Съ этой стороны, повторяемъ, онъ положительно великъ.

Но отъ великаго, какъ говорится, до смѣшнаго только одинъ шагъ и величіе, разъ ступившее назадъ, легко можетъ послужить для насъ источникомъ смѣха. Донъ-Кихоть великъ, но онъ фанатикъ идеи и постоянная настойчивая сосредоточенность его на одномъ и томъ же предметѣ сообщаетъ замѣтную узкость и исключительность его понятіямъ, болѣзненную напряженность всему его душевному строю. Донъ-Кихоть энтузіастъ, всецѣло отдается своему призванію, но онъ мечтатель и отъ того самая очевидная дѣйствительность совершенно улетучивается предъ его глазами, съ удивительною легкостію замѣняясь его субъективными представленіями. Вотъ почему онъ и впадаетъ безпрестанно въ комическія и даже унижительныя положенія: онъ на самомъ дѣлѣ видитъ великановъ въ вѣтряныхъ мельницахъ, войска рыцарей въ стадахъ барановъ и даже принимаетъ бритвенный тазъ цирюльника за шлемъ Мам-

¹⁾ „Донъ-Кихоть“ II т. 126 стр.

²⁾ „Донъ-Кихоть“: II т. 240 стр.

³⁾ И. С. Тургеневъ: полное собраніе сочиненій, изд. 3; 10 т. 434 стр.

брина. Отъ этого и самый внѣшній образъ Донъ-Кихота представляется настолько смѣшнымъ, что подобный ему едва-ли сыщется въ какой либо литературѣ; такъ что при одномъ лишь имени его въ нашемъ представленіи невольно рисуется „длинная, сухая, желтая, уныло задумчивая и не особенно легкая фигура“¹⁾, одѣтая въ совершенно каррикатурные доспѣхи и величаво возсѣдающая на тощемъ остовѣ удивительно жалкой клячи.

Ясно, что именно близость Донъ-Кихота къ великому и сдѣлала его смѣшнымъ. Не даромъ Сервантесъ, пародируя въ Донъ-Кихотѣ средневѣковое рыцарство, неоднократно называетъ его въ тоже время „благороднымъ сумасбродомъ“²⁾. Онъ едва ли бы сталъ работать въ продолженіи десяти лѣтъ надъ повѣствованіемъ о приключеніяхъ какого то простаго сумасшедшаго и уже никакимъ образомъ не могъ бы относиться къ нему съ такимъ трогательнымъ сочувствіемъ. „Для меня одного родился Донъ-Кихотъ“, говоритъ онъ, на примѣръ, въ концѣ своего романа въ виду подлога Авелланеды, — „какъ и я для него. Онъ умѣлъ дѣйствовать, а я—писать. Мы съ нимъ составляемъ одно тѣло и одну нераздѣльную душу, наперекоръ какому то самозванному тордезиласскому историку, который дерзнулъ или дерзнетъ писать своимъ грубымъ, дурно очиненнымъ страусовымъ перомъ похождения моего славнаго рыцаря“³⁾. Очевидно, самъ Сервантесъ чувствовалъ, что въ своемъ произведеніи онъ изображаетъ міру несчастье того величія, которое въ слѣпомъ и беззавѣтномъ увлеченіи идей совершенно закрываетъ глаза для окружающей дѣйствительности. Вотъ почему Донъ-Кихотъ и есть у него рыцарь не слѣпаго только, но именно „печальнаго образа“; поэтому же и чтеніе этого романа возбуждаетъ въ насъ какое то грустное, тяжелое чувство, а заключительныя его страницы дѣйствуютъ даже удручающимъ образомъ по своему высокому и неподдѣльному трагизму. Замѣчательнъ въ этомъ отношеніи отзывъ о немъ лорда Байрона, поэта глубоко проникательнаго въ своихъ сужденіяхъ о литературныхъ произведеніяхъ:

1) „Донъ-Кихотъ“: II ч. 463—464 стр.

2) „Донъ-Кихотъ“ II ч. 17, 51 стр.

3) „Донъ-Кихотъ“ II ч. 544 стр.

Печальнѣе романа нѣтъ на свѣтѣ,
 Тѣмъ болѣе, что онъ толпу смѣшить;
 Герой его имѣеть лишь въ предметѣ
 Борьбу со зломъ; пороки онъ клеймитъ
 И хочеть, чтобъ сильный былъ въ отвѣтѣ
 Когда неправъ. Безуменъ лишь на видъ
 Другъ чести, Донъ-Кихотъ! Грустнѣй морали
 Той эпопеи сыщемъ мы едва-ли ¹⁾).

Такимъ образомъ Сервантесъ совмѣстилъ въ своемъ произведеніи элементъ національный съ элементомъ общечеловѣческимъ и чрезъ то придалъ ему непреходящее и вмѣстѣ глубокое жизненное значеніе. Въ этомъ и заключается главнымъ образомъ важнѣйшее доказательство его высшей геніальности: требованія времени и условія національной жизни не помѣшали поэту вознестись въ вѣчную сферу духовныхъ интересовъ человѣчества.—Конечно, такіе величайшіе поэты, какимъ былъ на примѣръ его знаменитый современникъ Шекспиръ, подымались выше при изображеніи глубочайшихъ свойствъ нашей природы; но Сервантесъ, по внушенію своего геніальнаго инстинкта представивъ въ своемъ романѣ общечеловѣческое содержаніе въ чертахъ національнаго духа, сдѣлался болѣе ихъ родственнымъ всѣмъ народамъ и временамъ. Онъ одинаково доступенъ какъ для людей, стоящихъ на нисшей ступени умственнаго развитія, такъ точно и для самихъ образованныхъ и потому, какъ справедливо замѣчаетъ Тикноръ, „болѣе, чѣмъ всякій другой писатель получилъ взамѣнъ заслуженную дань симпатіи и удивленія всего человѣчества“ ²⁾).

Такой обширной и непрерывно продолжающейся извѣстности Донъ-Кихота весьма много содѣйствовалъ, безъ сомнѣнія, и господствующій въ немъ способъ поэтическаго представленія, въ высшей степени характеристическій и строго согласованный съ духомъ изображаемыхъ лицъ и происше-

¹⁾ См. Донъ Жуанъ, XIII п. Подобный же взглядъ на Донъ-Кихота выражаетъ и другой англійскій поэтъ Уордсвордъ: „не сожалѣніе я чувствовалъ къ человѣку“, говоритъ онъ, „преслѣдующему такіа цѣли, а скорѣе благоговѣніе и думалъ, что на днѣ его слѣпаго и восторженнаго безумія лежитъ мудрость“. См. Тикноръ: ист. исп. литер. II т. 131 стр.

²⁾ Д. Тикноръ: ист. исп. лит. II т. 131 стр.

ствій. Здѣсь каждая, повидимому, самая незначительная черта неизмѣнно соотвѣтствуетъ цѣлому и служитъ къ полнѣйшему раскрытію его особеннаго характера и направленія. Въ поведеніи и во всей манерѣ Донъ-Кихота неизмѣнно выступаетъ предъ нами благородный типъ стараго испанскаго гidalго, исполненнаго истинно кастильской чести и воодушевленія; а въ его бесѣдахъ и рѣчахъ, съ ихъ закругленными періодами и возвышеннымъ пафосомъ, повсюду слышится важный, хорошо ему знакомый тонъ старинныхъ рыцарскихъ романовъ. Санчо Панса, съ своей стороны, во всемъ представленіи Сервантеса постоянно остается вѣренъ себѣ до мельчайшихъ подробностей. Въ его забавной смѣси простодушія и лукавства повсюду обнаруживается предъ нами извѣстный типъ простаго крестьянства; а его незатѣйливыя рѣчи, исполненныя народныхъ пословицъ и присловій, какъ нельзя болѣе характеризуютъ недалекое, чисто эмпирическое мышленіе грубаго реалиста, исключительно направленнаго къ узкимъ практическимъ интересамъ. Даже топчій, высокій конь рыцаря и коренастый, низенькій осель оруженосца составляютъ здѣсь какъ бы естественное олицетвореніе ихъ индивидуальныхъ свойствъ и направленій. Въ самомъ дѣлѣ: отрѣшенному отъ дѣйствительности идеалисту всего приличнѣе высоко подыматься надъ землею, возсѣдая на конѣ, едва поддерживающемъ себя слабыми ногами; тогда какъ низменному реалисту, напротивъ, гораздо сподручнѣе быть какъ можно ближе къ землѣ, съ возможностью коснуться ея собственными ногами въ столь необычайныхъ для него приключеніяхъ.— Не удивительно, что такой строго выдержанный и въ высшей степени характеристическій тонъ повѣствованія, придавая индивидуальную жизненность всѣмъ изображеніямъ поэта, сообщаетъ видъ осязательной дѣйствительности иногда и самымъ причудливымъ его вымысламъ.

Поэтическій характеръ повѣствованія въ романѣ Сервантеса весьма много выигрываетъ также отъ введенія въ него различныхъ рассказовъ, не принадлежащихъ къ его главному сюжету и имѣющихъ въ немъ только значеніе эпизодовъ. Такими эпизодами являются здѣсь: исторія пастушки Марселлы и Хризостома, исторія Карденіо и Доротеи, повѣсть Безразсудно-Любопытный, рассказъ алжирскаго плѣнника, исторія любви Дона Луи и Клары, пасторальная

новелла о Леандрѣ, повѣсть о богатомъ крестьянинѣ Камашѣ и бѣдномъ Василии, рассказъ о морискѣ Рикотѣ, трагическая новелла о прекрасной Клавдіи и, наконецъ, повѣсть о прекрасной морискѣ.—Извѣстно, что однообразіе можетъ надѣдать намъ, какъ въ дѣйствительности, такъ и въ искусствѣ; поэтому высокое значеніе этихъ мелкихъ рассказовъ въ романѣ заключается главнымъ образомъ въ томъ, что они, разнообразя его сюжетъ, придаютъ ему непрерывную занимательность и доставляютъ намъ возможность пріятнаго отдохновенія въ непрерывномъ переходѣ его главныхъ героевъ отъ одного нелѣпаго приключенія къ другому. По характеру своему эти поэтическія повѣсти во многомъ напоминаютъ собою эпизоды въ „Запискахъ Пиквикскаго клуба“ Диккенса: онѣ и сами по себѣ прекрасны, и въ высшей степени искусно связаны съ цѣлымъ ходомъ повѣствованія. Наибольшій интересъ изъ нихъ представляютъ тѣ, въ которыхъ изображаются сцены изъ современной народной жизни, правда, значительно идеализированной поэтомъ, но отличающейся необыкновенно поэтическимъ колоритомъ. Это въ особенности проявляется тамъ, гдѣ повѣствованіе касается мавровъ, — народа, который вслѣдствіе своего бывшаго величія и послѣдующей печальной судьбы въ сильнѣйшей степени возбуждаетъ нашу фантазію и привлекаетъ къ себѣ глубокое сочувствіе. Не маловажная доля занимательности этихъ повѣстей, какъ и вообще всего дѣйствія романа, происходитъ, наконецъ, отъ многочисленныхъ изображеній въ немъ прекрасныхъ декорацій, чудныхъ горъ, романическихъ потоковъ и восхитительныхъ долинъ такой страны, которая отъ Кордовы до Ронсевала представляется какъ бы естественною мѣстностію романтики.

Соединеніе всѣхъ этихъ достоинствъ, при высоко національномъ духѣ и необычайномъ проникновеніи въ глубочайшія основы человѣческой жизни, и создало знаменитому роману Сервантеса его непреходящее и всеобщее значеніе. Въ силу своей необыкновенной жизненности и глубины онъ дѣйствительно представляетъ собою геніальнѣйшее произведеніе человѣческаго духа и является не только первымъ классическимъ образцомъ новаго романа, но и неисчерпаемымъ источникомъ назидательной мудрости и самаго возвышеннаго эстетическаго наслажденія.

Г. Татарскій.